

Винсент Килпастор

Книга Иса

Глава 1

Меня, бирманца И.Са и пакистанца Раджу приняли в один день. День, замечу вам, паскуднейший. Ночью прошел дождь, грязный, как растлитель малолетних. С упорством подростка-садиста лупоглазое солнце теперь выжигает мутные лужи. Вчерашний дождь возносится к небесам тяжелыми мутными галлонами. Дышать тяжело и от вязкой мути испарений дышать не хочется вовсе. Кофе не действует, несмотря на количество. Тело переработало кофе в мочу, упустив главное — приподнять настроение. Хочется плакать и ссать. Сделать это, увы, негде, хотя улица перед мусорным днем заставлена муниципальными баками, старой мебелью и матрасами. Тело постигло, что ссать не придется и пот так и полился с меня ниагарскими потоками — почти как вчерашний дождь. Я не выдержал, спрятался за чей-то, вертикально воздвигнутый матрас и избавился от того, что совсем недавно было абиссинским кофею. Мозг лениво зарегистрировал, что оскверняемый матрас совсем еще новехонькой.

Это был год выброшенных матрасов и кроватей — на город навалилась эпидемия клопов. Американские клопы были жирнее и тупее, как я утром и без кофе. В остальном имперские клопы мало отличались от общечеловеческих.

В тот год клопы возникли всюду: в больницах, детских садах и даже в сети комфортных гостиниц Халидей Инн. Не миновала беда и нас. Оккупанты поселились в спальне.

Я отправил жену и детей в аквапарк на пару дней, а сам провел ряд бесчеловечных экспериментов похожих на финальную стадию войны во Вьетнаме — столько химикатов еще надо испытать, а времени-то уже в обрез — отступаем.

Клоп американский живуч, как и русский. Так что пришлось их работать по русски — с паяльной лампой на индивидуальной основе, как работали сербские снайперы в Сараево.

Американцы они умнее меня — просто выбрасывают матрас и покупают новый. Так устроена здешняя экономика и культура. Это был год бесплатных новеньких матрасов и ленивых жирных клопов.

Плейер пыхтел в режиме тыка, стараясь меня удивить, но ничего не вштыривало, как и кофе. Наконец он нашел песенку про зоопарк — из восьмидесятых прошлого века:

Zoo zoo, zoo zoo, zoo zooo
Zoo zoo, zoo zoo, zoo zooooooo

Под незатейливый аккомпанемент пассажиры автобуса в Даун-таун казались еще большими скотами, чем они кажутся обычно.

Предстояла встреча с офицером, призванным судьбой и графством Куйяхога осуществить надо мной административный надзор. Офицеру была дана беспредельная власть надо мной на срок в шесть месяцев.

Гендерная принадлежность офицера числилась «женской», но политически правильное слово «офиссер» в наши дни пола не имеет. Офицера звали Александра Гадс.

Пройдя через затейливый шмон где негр с надписью «помощник шерифа» вынудил меня снять ремень и вывернуть из кармана жалкую мелочь, я вознесся на 24-й этаж дебилдинга правосудия. Записался в журнале, отключил телефон, в соответствии с полугестаповским наставлением на стене: «Телефоны отключить. Девайсы не заряжать. Сидеть. Не выёживаться. Ждать когда назовут вашу фамилию».

Так я остался без плеера. Пришлось вывалить на колени ебук. Ждать пришлось недолго. Александра Гадс оказалась низкорослой еврейкой средних лет. Миловидное лицо поганил

нос-крючоктвор и подчеркнуто короткая прическа. Волосы Гадс имели вид ошметков сметенных с пола парикмахерской в день с пятидесятипроцентной скидкой. Неоправдано смелые эксперименты Александры с красками для волос придавали прическе характерный вид «поистратившаяся лярва».

Лярва замахала мне руками, как родному. Потерпев поражение выговорить мою фамилию с первого раза, офицер Гадс улыбнулась стандартной рыбьей улыбкой американского госслужащего. Я провел две головокружительные недели с джипизсом на ноге и опыт отмечалова у гослярвы уже имел. Сегодня я должен расстаться с джипизсом, хотя он стал таким родным, что почти начал обрастать мясом.

Джипизс был говорящий и иной раз не без цинизма, в интимнейший ночной момент мог по-американски без обиняков заявить что нехуево бы подзарядить батарейки. Говорил джипизс голосом Алека Болдуина. Видимо политкорректная гендерная революция еще не коснулась дивайсов для наблюдения за бандитами.

Предыдущая лярва была черного колеру и фамилию носила шведскую — Педерсен. По опыту общения с офицером Педерсен я уже знал, что Гадс завалит меня сейчас личными вопросами типа принимаю ли я на кишку или нюхаю, а то может

втираю в кожу или мажу на хрустящий утренний хлебец. После этой попытки залезть мне в душу, офицерша выдаст мне пластиковый стаканчик, где с двумя ошибками (минимум) будет написана моя простая русская фамилия.

В баночку придется ссать в довольно примечательном месте — это незатейливый мутуализм мужской уборной и кабинета младшего следователя прокуратуры. К стене, в профиль — так что бы хорошо было видно с рабочего стола — прикручен давно немытый писсуар. За столом сидит помощник шерифа, сонный как муравьед. Шерифский подручный обычно просто зевает, но иногда жалуется на низкую заработную плату и намекая на мои очки, сетует, что не пошел в свое время в колледж. Это очень отвлекает, мешает сосредоточиться на главном, и ссанье в пластиковый стаканчик превращается в мучительную унижительную пытку.

Зная по опыту какую пакость мне готовит женщина Гадс, я сегодня нажуевертелся кофе по самое буль-буль оглы. Немного смушал другой подвох — до селе неведанный. Из предписания Гадс следовало, что на первую встречу я обязан принести минимум два документа подтверждающие мою суетливую личность. Трудно понять с какой целью это требовалось. Подозреваю гигантское количество людей просто жаждало выдать себя за

другого, что в полноте насладиться всеми привилегиями столь популярного в США административного надзора.

Именно этой консервированной шуткой я надеялся размягчить чекистское сердце Гадс — остальное после — обычная ловкость рук — у меня целая папка отказов от разных кафкианских министерств — запудривать ментам мозг о том, что я новый землемер и скоро получу пластиковый аусвайс. К счастью госорганы сильно разделены и обособлены и госпожа Гадс теоретически не должна соображать в иммиграционных вопросах, так же, впрочем, как и наш новый президент.

Сейчас раскидаю пасьянс-косынку из билеберды с грифом статуи свободы и Гадсам снова будет нечем крыть.

Когда мы шли узким коридорчиком в малюсенький пенал, где с 9 до 5 хранилась Александра Гадс, мимо нас протиснулось двое неприметных мужиков. Обычные среднестатистические мериканцы в бейсболках. Высокий, явно Спаньярд в рубашке-поло на выпуск и белый с пробегом «за пятьдесят». Спаньярд был похож на пловца Майкла Фелпса, а сетка лопнувших сосудов на ноздрях белого подсказывала, что возможно тест на алкоголь он сегодня с хрустом провалит.

Гадюка не среагировала на шутку о том, что я

пришел отбывать админ за какого другого. Раскидал пасьянс, приговаривая суетливым полусшепотом, как старый наперсточник, что вот вот буду осчастливлен аусвайсом цвета «грин» и буду любить Америку еще больше.

Офиссэр Гадс вытянула из своего дешевого стола счет-фактуру за мой суд и аренду говорящего джипизса — девятьсот с лифуюем баксов и заставила подписать «здесь, здесь и вот тут».

— Значит иммиграция, а?

— Точно так, яволь — белой акации цветы эмиграции как грится, да!

— Ну вот как раз об иммиграции с тобой и хотят поговорить.

Александра Гадс нажала кнопочку под своим хлипким столом, заваленным делюгами отбросов общества. В пенальчик вдруг как-то сразу ввалились Спаньярд с Алколоидом.

Алко трясущимися руками извлек из джинсов лопатник и попытался махнуть им, как машут зажигалкой «зиппо». Лопатник шлепнулся на пол. Спаньярд ловко его поднял и подал Алколоиду — типа «бывает, давай-ка попробуем еще раз».

Алко, вот этот раз уже без излишних телодвижений, двумя руками раскрыл бумажник перед моим резко вспотевшим носом. Большую часть бумажника занимала жестянка с надписью «Айс» на которой сидел орел сбитый еще с

рейхстага Егоровым и Кантария.

— Специальный агент Холидей, шестой подотдел зачистки от пришельцев, представился он — Вы арестованы!

— Ноу щит — пробормотал я и подарил Александре Гадс взгляд исполненный такой ядовитой ненавистью, что она поежилась и стала излишне суетливо тасовать бумажонки на столе.

Спаньярд опустил длань мне на плечо.

— Обычная формальность. Не стоит переживать. К вечеру все будем дома.

— Ноу щит — повторился я пребывая в некотором шоке — Джипиэс-то сними, начальник, раз уж наручники под меня мастыришь.

— Обычная формальность. Может мы просто свой джипиэс на тебя прицепим и всё.

Обращаясь уже к Гадс, он попросил оцепить аппаратуру.

Пока офицерша корячилась у моей лодыжки снимая кандалы последнего поколения, я боролся с нехристианским побуждением торкнуть пыром в ее хамско-хамитское лицо.

«Вот почему они не снимали джипиэс целую неделю после суда» — допёр я и восхитился. Лучшей схемы для ареста и придумать нельзя — у входа здание я прошел через железодетектор и был тщательно вышмонан ватагой негров-полицейских.

— Агент Холидей?

— Да, сынок — ответил он доброй совсем неофициальной улыбкой и пахнул на меня вчерашним пивом.

— Агент Холидей, я гарантирую вам полное содействие во всех необходимых процедурах. Проблем со мной не будет.

Тут всегда надо так говорить ментам, а то они автоматически вам сопротивление при аресте впаяют.

Мы бодренько, как лучшие друзья упали вниз на лифте и сбежали по мраморным ступеням парадного. На мои наручники никто не обращал внимания — обычное дело для Центра Правосудия и Справедливости, где в небоскребе с видом на великое озеро разместилась — окружная тюрьма, суд и служба админ надзора за свободными гражданами.

У ментовской парковки стоял форд Искейп. Я ему улыбнулся. Всегда смешно когда ментовский форд называется «Escape» — побег.

— Нам туточки еще одного пассажира принять требуется — извиняющимся тоном сказал Холидей.

Объехали здание центра и вкатились с заднего двора в подвал окружной тюрьмы. Я испытал приятное дежавю — вот въехали в тюрьму, но меня не посадят. Во всяком случае сюда. Я теперь зык федерального уровня.

Искейп втерся между двумя ментовскими крузерами. На одном было написано «Полиция Бичвуда», на другом «Служить и защищать». Похмельный Холидей пошаркал в тюрьму, а мы со Спаньярдом, который поленился даже отключить двигатель, остались в машине.

— А чо аусвайс себе до сих пор не справил — лениво полюбопытсвовал Спаньярд.

— Обстоятельства так сложились. Да и никто не тряс особо.

— Ну ничо-ничо. Сейчас через суд быстренько получишь.

— Через какой суд, ты ж сказал к вечеру дома будем?

Спаньярд завис, внимательно изучая в окно бичвудский крузер.

— А ты давно в федералах? Ну, в Айсе в смысле давно?

Я хотел показать, что не обижаюсь на звездеж — и так знал что он мне кружево плетет — обычная американская ментовская практика. Расскажут вам любую сказку, лишь бы не дергались, пока они вас под замок не замуруют. А там с них взятки гладки.

— В айсах? В Айсах недавна. Две недели в пятницу. Перевели сюда с аэропорта О'Хара в Чикаго. Таможенник я. Ага.

— Усилуха Трампова?

Он снова завис, напряженный от моей манеры

выуживать информацию и держать инициативу в диалоге.

Спаньярд сменил тему:

— И откуда же у тебя значки мастер-сержанта Армии США и Центрального Развед Управления в бумажнике?

У меня и правда вместо аусвайса, без которого я обхожусь лет двенадцать, в кошельке два значка. Один — память о работе на базе американских ВВС в позапрошлой жизни.

Второй — настоящий, не сувенирный, позолоченный цэрэушный значок для лацкана парадки выпал из чьих пожитков, когда я перебивался грузчиком агентства по переезду в Сиэтле. Это уже в прошлой жизни. Я улыбнулся матой хари и свистнул:

— У меня в ДиСи друзья.

— Ну-у тогда самое время с ними связаться — доверительно посоветовал бывший таможенник.

— А можно я плейер послушаю?

— Не можно — ответил Спаньярд и врубил рэдио.

Дверь Искейпа растворилась и возник Холидей. Он втолкнул ко мне на заднее сидение откровенно непропорционального человека индокитайской наружности. Человек походил на богомола-мутанта, который вырос до таких размеров, что не натянуть на него дешевенький

костюм из универмага было бы попросту неприлично.

— Познакомьтесь, это Иса. Иса приехал из Бирмы.

Богомол вздохнул и прошуршал:

— Иса — нет. И.Са. Иии — Саа. Английская мала-мала. Совсем мала-мала.

— Иса так Иса — пробормотал Холидей — Нам бы ребятки еще одного кадра отцепить — на углу 117-той и Лорейн, оки-док?

— А что у нас есть варианты? — все еще раздосадованный полной неожиданностью ареста — только с окружной соскочил, понимаешь, и опять попой голой по гравию.

Кофию бы махнуть с горя.

— Там, господа офицеры, в кошельке у меня вроде двадцадка была, нет? Давайте-ка я на всех старбаксу куплю?

И.Са глянул на меня с одобрением. Холидей и Спаньярд переглянулись. Спаньярд развел руками: «А я-то чо? А я — ничо!» Поэтому когда мы уже всей бригадой принимали Раджу у всех в руках было по стаканчику крепкого латте.

Искейп парканули рядом с большегрузным трейлером около небольшого, но добротного дома. Раджу выцепили прямо оттуда. Спаньярд позвонил с мобилы и Раджа выскочил прямо в шлепках, натягивая футболку «Кавалеры Кливленда». Увидев

нас с И.Сой попивающих латте в хромированных наручниках, он поник, сбавил обороты и попросился на минутку — сообщать новость жене.

— Да мы в Олд Бруклин только на пару минут нырнем — опять созвиздел Спаньярд — оттуда и отзвонишься. Раджа присел к нам, потом опять встрепенулся:

— Да я ж ее телефон не помню!

— Чей? — резко срывая Искейп с места спросил агент Холидей.

Машина соскочила на фривей и Раджа в полголоса выругался на урду.

— Кофе хапнешь? — спросил я.

Последний пассажир нашего грустного рейса был иорданец Биляль. Мы подрулили к пиццерии «Малыш-Цезарь». Раджа сходу понял, что мы не за пиццей.

— Ну куда еще одного, командир, на башку мою бритую посадишь?

— Да он миниатюрный судя по ориентировке, вон как русский совсем, правда, русский? Потеснимся?

— А то — ответил я польщенный вниманием специального агента — Заносите тело.

Вскоре Спаньярд привел и правда небольшого арабченка, похожего на галантерейщика Бонасье из «Трех мушкетеров». Пицерийщик Бонасье был весь в муке и заляпаном соусом фартуке. Холидей его приветствовал:

— Ассалму Алайкум, Биляль! Обшивку мне соусом не извози. Раджа сам похожий на Спаньярда, только спаньярда сырогорячего копчения недовольно буркнул в адрес Бонасье:

— Ну а пицца-та, блин, где, Биляль? Пиццу куда профуцанил, фурманюга?

Глава 2

Остров Эллис образовался в основном из грунта, вывезенного при строительстве нью-йоркского метро; остров расположен в километре от южного мыса Манхэттена. Когда-то он представлял собой песчаную косу, где индейцы добывали устриц, а в колониальные времена эта коса была местом казни пиратов. В 1892 году здесь было построено первое здание поста Иммиграционной службы.

Иммигрантов, забракованных по состоянию здоровья, метили мелом прямо на одежде. Большое «Е» означало глазную болезнь, «Л» — хромоту, «Х» — слабоумие, а «Х» в кружке — идиотию. Один тест был на определение умственных способностей: иммигрант должен был из нескольких деревянных кусочков сложить кораблик. В самый разгар иммиграции каждый день до пяти тысяч усталых и встревоженных людей проходили через регистрационный зал.

Двадцать процентов новоприбывших задерживали как нездоровых, «политически нежелательных» или «потенциально обременительных» для общества. Одиноких женщин, которых не встречали родственники или представители общества помощи иммигрантам, задерживали из опасения, что они могут стать жертвами эксплуатации или проститутками.

Многие женщины, списавшись заранее, прибывали в Америку, чтобы выйти замуж. В сентябре 1907 года на борту парохода «Балтик» оказалось свыше тысячи невест.

Иммигрантов, которых считали анархистами, большевиками или преступниками, помещали в общежития и при первой же возможности отправляли обратно, как и некоторых больных. Других больных, нуждавшихся в медицинской помощи, помещали в больницы. Детей, болевших корью, отправляли в дождь и холод паромом на материк. По оценкам историков, около тридцати процентов из них умирало потом от простуды.

* * *

Я не мог и предположить, что новенькое здание гестапо находится недалеко от моего дома. Когда проезжали по родной улице, снова стало обидно, что приняли как последнего лоха — в

спланированной облаве. Пятый в моей жизни арест — уже пора бы научиться уклоняться от правосудия с ловкостью Ленина в Разливе.

— Вот и мой дом! Двенадцать лет адрес не менял, неужели трудно повесткой было вызвать?

Агенты, как по-команде втянули головы в плечи и стали изучать окружающий пейзаж.

Еще вчера вечером я катил здесь коляску с дочкой. Дочке вечером стало скучно и она потребовала прогулку. Я вставил в уши наушники и покатил ее в Бургер Кинг — просто так, чтобы у путешествия появилась цель. В Кинге покупал картошку-фри, а продавец совсем не обращал на дочку внимания, как не обращают на детей внимания большинство мужчин. Тогда она подошла к прилавку вплотную — совсем кроха и сказала со взрослой явственностью:

«Хэлоу, хау а ю?» Продавец ответил автоматом: «ОК» и вдруг заметил ее и обалдел. Она маленькая совсем еще для официальных протоколов приветствия. Так что мы бесплатно отхватили вторую порцию горяченькой картошки.

Сидели потом друг против друга и лопали картошку, обжигая небо и радовались. Когда я выходил из Кинга, посадив дочку на плечи, растроганный продавец крикнул мне вслед: «Береги ее, слышишь?»

Вот. Уберег. Хорошо все же успел сводить ее

в Бургер на прощанье. И жене машину пылесосом прошел — как чувствовал. Арест- это всегда маленькая смерть. Черная вражья сила вынимает тебя из течения жизни неожиданно и без предупреждения. Ежели меня телепортируют, а быстрее всего так оно и будет, то вернуться официально смогу только через десять лет. Дочка меня просто не узнает. Можно, конечно, через Мексику — как раз сейчас в зиндане наберусь контактов у койтов-проводников. Однако Мексика это гусарская рулетка — там все по теории случайностей.

Машина остановилась у ворот в промзону. Таких навалом по США — офисы и склады в аренду. Холидей набрал на маленькой щитке с козырьком длинный секретный код и произнес заклинание — ворота покатили в бок. Ни тебе вывесок, ни указателей. Четырехэтажка. В окна заметно совсем недавно вставлены зеркальные стекла. Маскировку слегка подмывает одинокий военный хаммер в дальнем конце парковки. Номеров нет. У нашего форда тоже нет знаков различия. Номера лоховские, муниципальные — будто городская служба, а не федералы. Маскируются, чтоб не спугнуть пассажиров.

Внутри здания все абсолютно новенькое, как говорят муха не сношалась. Окна, двери, линолеум, покраска, мебель, компы. Новехоньки и портреты

Трампа с его гавённым лозунгом: «Сделаем Америку снова великой». В каком смысле «снова»? Сейчас она что, не великая? Поехал бы ты, сидор, в восточный Тимор или Бишкек и сравнил. Ненасытный народец американцы.

Меня, И.Су, Раджу и пицирийщика Биляля впахнули в новехонькую камеру со всеми удобствами и прицелом ночного видения в середине потолка. Минут через пятнадцать подали жрач, это баландой назвать язык не поворачивается: салисберийский стейк, пюре с подливой и земляничное мороженое. Судя по размаху великолепия — новехоньких зданий, компов, машин, дополнительного набора персонала, чтобы наполнить здания и жратвы такого качества, я заключил что распил по одной только иммиграционной программе Трамп затевает монументальнейший.

Когда Белый дом покидал последний през-республиканец — Джедж Дабья Буш, весь мир вздрогнул от финансового кризиса 2008. Бензин стоял почти пятерку за галлон. Чего за четыре года успеет накуролесить гордый, энергичный оранжевый бизнесмен можно только гадать. Надо бы дергать отсюда пока Америка не стало настолько великой, что будет нечем дышать, как в Каримовой Джамахирии. В нашем штате недавно вышел указ всем ментам даже после работы носить

нагрудные видеорегистраторы. Зачем?

«Вот так-то, браза» — Раджа отодвинул пластиковую посудку в сторону. Как и у меня аппетита у пакистанца не было. И.Са набросился на наши порции аки стервятник. Оно и понятно — оголодал в негритянской окружной тюрьме, мы ж его почитай прям с кичи извлекли.

«Вот так-то. В 1995 году был у меня залет с травкой. Отсидел год. Потом каждый год в имигрейшн ходил отмечаться. Двадцать пять лет админ надзора, как один день. В последние полгода не снимая носил на ноге джипиэс — и один хер закрыли.

«А мне отдайте из глубин бездонных
Своих изгоев, люд забитый свой,
Пошлите мне отверженных, бездомных,
Я им свечу у двери золотой!» —

я продекламировал в ответ на историю Раджи, но и он и И.Са посмотрели на меня с пониманием — йобнулся парень, бывает при аресте.

— Да сами вы... — я разгневался — это же надпись на Статуе Свободы. Раджа нахмурился и молча ткнул пальцем в потолок: «микрофоны».

— Обидно, что прямо на Рамадан забрали. И грузовик остался под пломбами, с грузом, во дворе. Надо чтобы жена диспетчеру позвонила. Мне ведь

на Питтсбург в ночь выезжать надо. Было. Во-о-о-от непруха! Как и я Раджа понимал, что ментовское: «К вечеру будете дома» — это параша. И.Са впитывал федеральный хавчик, а иорданец Биляль метался по хате иногда приостанавливаясь и удивленно глядя на толчок — «как же это теперь срать-то, при людях что ли?».

Он уже несколько раз спрашивал у нас с Раджей — в тюремной хате все стаёт по-мастям: кто сидел раньше, а кто нет. «А вы уже бывали в тюрьме? Скажите, нас сильно побьют другие бандиты?» Судя по акценту, на землю свободы прибыл пиццерийщик Бонасье совсем недавно. Как и положено блатным, мы с Раджей не обращали на них внимания — сами все узнают, как время придет.

— Знаете, Раджа, я полагаю у вас пасьянс сложился: Рамадан, Пакистан, водитель большегруза. Сейчас же новый вид спорта — въезд в толпу на грузовике.

Раджа опять поморщился и ткнул в сторону возможных уловителей моей речи. Потом он кивнул и ответил взглядом: «Наверное так оно и есть, браза». После того, как И.Са, наконец, покончил с нашими порциями, стали выдергивать по одному — подписывать извещение о телепортации. Домой дали позвонить — безлимитно, не то что районные

менты-полуавтоматы. Всеж таки фед.

В моем извещении вся моя американская жизнь — уместилась в две строчки. «Вы приехали по трехмесячной визе четырнадцать лет назад и с тех пор США не покидали. Это неприемлемо и вы будете депортированы» Я выбрал опцию «судебное слушание» хотя, судя по скрытой в тексте угрозе оно могло занять от трех до шести месяцев. В качестве страны происхождения я написал «СССР». Выбрал также «возможность пыток и смертельную опасность в случае возвращения».

Холидей пробежал бумазю взглядом и споткнулся на «СССР».

— Такой страны уже нет.

— Такая страна есть, специальный агент.

— Ну зачем ты время отнимаешь у себя же.

По данным аэропорта Кеннеди ты прибыл из Успехистана.

— Такой страны нет. И никогда не было. Я ее не признаю в одностороннем порядке. Они мне платят тем же — мой паспорт аннулировали. Все думаю его публично сжечь, но жалко там визы всякие — из прошлой жизни.

Холидей глянул на меня мутными глазами человека страдающего от нехватки пива и сказал:

— Так! Подписал, позвонил? Давай зови следующего.

— Не-не, не позвонил. Ща.

Жена, наученная опытом моей предыдущей отсидки в округе теперь поднимает трубку даже если номер незнакомый.

— Я знаю, милая, больше не встретимся. Дороги разные нам суждены. Похоже, серьёзные пацаны меня в этот раз прихватили. Тюрьма тоже другая — федеральная, сорок минут езды от нас без пробок если. Как смогу — позвоню. Будьте счастливы.

Дольше всех не подписывал извещение о депорте И.Са. Он сидел на корточках поверх бетонной скамьи, как затаившийся богомол и с буддистским спокойствием твердил:

«Но инглиз. Ноу но инглиз». Агенты метались вокруг него, трясли руками, умоляли и слегка запугивали. К чему отнимать время — подпиши и все поедут в удобную тюрьму, а не в этой бетонной коробке будут париться.

Я сидел рядом и настраивал тело и душу на отсидку, постепенно, тумблер за тумблером отключая воспоминания и ассоциации внешнего мира. Внешнего мира больше нет. Я на межгалактическом корабле. Полет через галактику займет месяцы, может даже годы. Выходить в открытый космос нет никакого смысла. Как долетим — так двери сами и откроются. И выпустят, еще подгонять будут, как обычно в

тюрьме. А то что обязательно когда-то куда-нибудь долетим, я не сомневался.

— Слушай — вмешался в мысли Спаньярд — ты ж переводчик, ну переведи ему, а?

— А что в деле указано, что я переводчик? А язык какой там проставлен — бирманский, тайский? Ты бы уточнил, начальник.

Агент Холидей, который, похоже, совсем потерял контроль над своим тремором — будто всю ночь цыплятам бошки откручивал, плюнул и вышел, хлопнув дверью камеры. С пивком опять придется обождать.

Раджа грустно засмеялся и шепнул:

— Раз уж взялись всех депортировать неужели так сложно было нашлапать формы на разных языках.

— В натуре — согласился я — ой чувствую хлебом мы горюшка как первопроходцы трамповы. Раджа на пальцах стал убеждать И. Су сдаться. «Один хер тебя депортируют» — повторял он. А я грешным делом подумал — «неужели подставной пакистан»? Стукачок?

С другой стороны торчат в камере предварительного заключения из-за какого-то красного кхмера глупо. В тюряге и шконка и душ, и телевизор. Опять же судя по салисберийской котлете насчет жратвы в федеральных тюрьмах не врут — шоколадная постановка. Принялся

помогать Радже укатывать непутевого полпота. Переводчика ему, блять. Хорошо еще посла Миянмы вытребовать не догадался.

— Как жеж ты, конь с яйцами, десять лет в штатиках и по английски не бум-бум?

— Бум — радостно согласился И. Са — Биг бум! Потом покачал гривой и потянул на мотив мантры — Лака-така, тум-тум. Чака-чака, бум-бум! Я хотел было сказать, что ему врача, а не переводчика надо требовать, но меня вдруг осенило. Я подскочил к двери и нажал кнопку вызова бортпроводника. Откуда-то с потолка зазвучал недовольный голос Холидея:

— Чего еще?

— Нашли бирманского толмача?

— Эта кнопка чрезвычайных ситуаций. Нажимать будешь если драка или скорую надо вызывать. Нет не нашли.

— Гугл-транслит попробуй, начальник, слыхАл про такой? Секунда делов в онлайн.

— Дык оно — эта — не по-закону ведь.

«Вспомнили про законы, подонки» — подумал я, сто раз ведь на их поганый аусвайс подавал, все равно замели. Еще вспомнил как дочка разламывает соломинку картошки-фри и шепчет на нее: «хат».

Пройдет пара недель, пока смогу полностью заблокировать воспоминания. От них нету прока,

только боль.

— А ты создай прецедент, агент Холидей. Глядишь повышение дадут за смекалку. Как можно быть натуральным американцем и не верить гуголу?

Гуголу И.Са неожиданно доверился и, поддавшись на давление со стороны международного сообщества, подписал бумаженцию. Окрыленный Холидей вызвал конвой из тюрьмы.

Тюрьма находилась в пригородном Шардоне, Огайо. Роскошный городок — лесные курорты, озера и виноград для вина «Шардонэ». Белые зажиточные люди и одна из самых больших колоний Амишей.

Амиши — это почти что сохранившиеся первопоселенцы-пилигримы — они настолько консервативны, что не стиль одежды ни уклад жизни не меняют вот уже третий век. Электричества, интернета и владения автотранспортом не признают. Свои школы, церкви, фермы и заводы. Амиши считают что пережить конец света и избежать начертания зверя 666 можно только находясь на полном самообеспечении и независимо от общества.

Кроме колонии Амишей здесь находится штаб-квартира и лагерь украинской скаутской организации «Пласт». Возникшая в 1911 году во

Львова, организация поставляла кадры в ОУН и поэтому была запрещена сперва немцами, а потом и советской властью и с тех пор переехала в Шардон. Одним словом — живописнейшее местечко чтоб мотать очередной срок.

Этапировать нас приехала дородная баба из той породы, что ремонтировали в советское время ЖД переезды. С улыбкой Матрёна взялась прилаживать нам кандалы.

Современные американские кандалы уже не комплектуются пушечным ядром, прикованном к лодыжке. Теперь это широкий кожаный пояс к которому серебристыми цепями цепляются наручники и «наножники» — типа наручников, только побольше. Застёгивая на нас эту причудливую экипировку бабища в шерифской форме нахваливала родную тюрьму: «У нас тюрмочка хорошая, уютная. Кормят вкусно. Очень вкусно. Никто не жалуется!»

Пошли в автозак. Ай блин, да какой еще автозак? Выдумали тоже — воронок, он и есть воронок, хоть и американский. Сразу понял почему в кино люди в кандалах передвигаются трусцой. Просто, по-человечьи идти уже невозможно — цепи натягиваются, браслеты так и впиваются в кости. «К вечеру будем дома» — пошутил я и Раджа впервые за день усмехнулся. Усадили в воронок. Это снова был Форд — только теперь

фургон с большими шерифскими звездами и надписью: «Департамент вправлений». Окна Форда были затемнены и зарешечены. В полу были кольца для крепления кандалов. Я устроился в удобном кожаном кресле и дал себе слово — если когда вырвусь из их застенков, где так вкусно кормят, в жизни не стану покупать продукции с маркой «Форд». Ментовский бренд.

Кроме меня, И.Сы, Раджи и пребывающем в состоянии глубочайшего шока пиццерийщика Бонасье, в салоне уже был прикован еще один пассажир. Вернее, пассажирка.

Настоящая мексиканская дюймовочка-принцесса. Нежнейшее, кисейнейшее существо с кожей японского фарфора. Красота ее обладала такой магической силой, что у меня сразу улучшилось настроение. У меня всегда от любых проявлений красоты настроение улучшается. Весь вид этой хрупкой глазастой малышки закованной в кандалы с тиском «Маде ин УСА», жуткий диссонанс молодой девочки в каторжной экипировке, укрепил меня в мысли, что правы все-таки мы, а не они, и что именно «они» и есть настоящие преступники.

— Хола! — шепнул я ей и нагло подмигнул.

— Холя — голос у нее тоже был особый, нежный.

— Висенте!

— Мучо энкантада, синьёр Висенте —
МАРИЯ.

— Ну держись, Мария! — добавил я по-русски от всей души сожалея, что ни хрена не фурычу по-испански, а короткий этап в тюрюгу это всё что у нас с Марией есть.

В разговор встрял оголодавший в окружной тюрьме И.Са. Он ткнул заскорузлым бирманским пальцем в сторону дюймовочки и спросил.

— Мексико?

— Но, синьёр, Хондурас.

Ага, республика Гондурас значиться. Не могу вам рассказать как оно сложилось у просто Марии дальше. Скорее всего пошла по трассе известной в эмигрантской тюрьме как «Аэро Мехикан».

Мексов и всех выходцев из стран Латинской Америки копят в тюрьме на чартерный рейс.

Чартер летает каждый вторник и субботу. На суд мексиканцев не водят, проездных документов им тоже не требуется. Откатывают пальцы, пугают чтоб не вернулись назад и грузят на борт Аэро Мехикан.

Рейс Аэро Мехикан в воображении моём рисуется вагоном-теплушкой сталинских времен. В теплушке деды из Берлина возвращаются домой — в лагеря. У многих мексиканцев, как и у дедов — махровые будёновские усы. Мексы дымят махоркой, звенят орденами, и под

гормошку-тальянку, танцуют ламбаду.

Глава 3

Тюрьмочка и в правду, оказалась небольшой, очень современной и частной. Владельцам бизнеса удалось отцепить федеральный контракт на аренду двух барakov — мужского и женского для быстро растущих потребностей программы Айс.

Само словечко «Айс» — Исе довольно новое в обиходе средних чистокровных американцев, поэтому многие под впечатлением от еженощной промывки мозга выпусками новостей величают нас «Айсис» — это так по ихнему «ИГИЛ». На момент трамповой команды «фас» в США приблизительно находилось 14 миллионов нелегалов. Необходимо было депортировать большую часть в ударные сроки.

Контингент иммигрантский не норовист и послушен, забирать всех по списку и без пыли особого труда составить не должно было. А уж рапортовать о таких объемах сам бог велел. Жизнь настоящих американцев становилась безопаснее и комфортнее с каждым часом повальных арестов.

По статусу мы и правда чем-то похожи на игиловцев. Для заключенных в США есть два термина: inmate — зык из тюрьмы, prisoner — зык из лагеря, а нам дали статус

detainee(задержанный) — такой же как у имамов с Гвантаномо семнадцатый год загорающим в Кэмп Х-рей без суда и следствия. Только вот задержали нас не на 72 часа, а, возможно, на несколько лет. Сроки тут никто не определяет и что самое поганое — отсиженное время в счет не идет и на решение суда никак не влияет. Что делать, друзья, ведь этого «требуется общественная необходимость».

Нас загнали в отстойник и началась стандартная процедура вписки. Первым к великому ужасу ментов пошел И.Са. Его нужно было сфоткать, катнуть пальцы, и прогнать через анкету. Фоткают и снимают отпечатки сейчас скоро — все цифровое.

Суть анкеты определить голубой ли вы, стукач ли, просто прибабахнутый или настоящий диабетик. На этой анкете И.Са вымотал ментам всю душу. После почти сорока минутной пытки ему выдали полосатый костюмчик оранжевого цвета, типа тех что в советское время выдавали приговоренным к вышаку. На смуглую руку И.Сы одели малиновый браслетик с баркодом и, наконец, угнали в барак. Я был следующим номером программы.

— Вы, в очках, — вежливо спросил помощник шерифа Риз — хоть пару слов по-английски понимаете?

— Пару слов понимаю.

Риз радостно пожал мне ладонь двумя ручищами. Интервью прошло на ура. На сегодняшний день я не голубой, не стукач и не диабетик. Возможно — прибабахнутый, но знать Ризу об этом пока не нужно. Помощник шерифа принялся описывать мои пожитки. Нашел сержантскую кокарду и значок ЦРУ в бумажнике.

— Откуда?

— Несокрушимая Свобода — Афган 2001-02.

— Ну ты! Ну! — судя по-возрасту Риз еще ходил в школу, когда я за вашу и нашу свободу уже гонял по степям талибан — Ну, спасибо за службу тогда что ли?

Похоже Риз теперь не был уверен, как со мной обращаться дальше.

— Так ты армейский? Ветеран?

— Не совсем. Переводчик при базе ВВС.

— О! извини — по инструкции должен спросить — ты армейскую спецподготовку тоже проходил?

— Если ты имеешь в виду могу ли я проходить сквозь стены и убивать козлов одним взглядом, то нет, не могу.

Риз заржал.

— Какого цвета у тебя трусы?

— А что мы переходим на новый уровень интимных отношений?

Снова заржал. Смеющимся ментом всегда

легче манипулировать. Думаю, еще минут десять трёпа и я его доведу до истерики.

А потом задушу шнурками.

— У нас просто только белого цвета нижнее белье положено. Без исключения.

— Так вы боитесь, что я в своих синих трусах в цветочек подорву отсюда, что ли? Или чтоб ваш магазин поддержать мне всю отсюда покупать придется?

— Не-не! Я все выдам на первое время. Вода в прачечной очень горячая — шмотье линяет и красит тюремную униформу. Кстати, без обид, я тебе оранжевую форму даю — средний уровень опасности.

— В смысле?

— Ну общий режим у нас зеленый, усиленный оранж, а строгач черный. Пробудешь без запалов 90 дней, напишешь заявку — поменяют на зеленый. Хотя это всё пофиг, вас, айсы все равно в одном бараке держат.

— 90 дней? Ты шутишь?

— Для айсов минимум, но я не судья — ты на меня не ссылайся. А судей всего два на три штата. Сам считай.

— Кисло.

— Ничо, пообвыкнешь. У нас библиотека, спортзал.

Я думал он добавит: «бассейн, дискотека по

субботам», но Риз вдруг вышел из-за прилавка и окинул меня оценивающим сканом.

— А на баскетболиста ты совсем не тянешь.

Риз протянул два комплекта полосатых одежд и я дал себе слово свиснуть хотя бы штаны, как соскочу. Кивнул на дверь в белой шлакоблочной стене.

— Там переодевайся. Трусы вольные сдай. Шмонать не буду. Верю!

Я вошел в странное помещение — среднее между душевой для инвалидов и туалетом и тихо, по-русски сказал: «Зря веришь, служивый» и не стал сдавать мои родные, близкие телу трусы и носки, которые надел только сегодня утром, не подозревая, что скоро примут.

В конце-концов, что враги сделают если спалят? Депортируют быстрее? В тюрьму посадят? Свободным становишься, когда нехуй терять. Человек, которому нечего терять гораздо опаснее для общества, чем человек у которого есть семья и ипотека. Неужели оно не понимают, что оставшись без детей, жены, дома и небольшой кучки пожитков я озверею? Не понимают, что учитывая моё крайне не симпатичное отношение к географической опухоли под названием Успехистан я могу броситься в рукопашную на дружелюбного Риза только чтобы схлопотать пару лет отстрочи в американской тюрьме? Все ближе к дому. Придержу-ка эту опцию

на крайний случай.

Сдал Ризу вольные шмотки в мешке с уже напечатанной моей фамилией и фоткой. На фотке я выглядел печально как белорусский крестьянин на глазах у которого враги насилуют и убивают родимую кормилицу-корову.

— Прямо по коридору, потом на право и сразу снова направо. Отсек J-100.

— Пряма так без конвоя что ли ийти?

— Пряма так и иди. Постой-постой, я тебе телефон-карту на бесплатный звонок не дал. Он снова выступил из-за прилавка и тиснул мне бумажонок в руку.

— Там три карточки вместо положенной одной — шепнул Риз и уже громче добавил — Спасибо, что удосужились выучить английский, задержанный.

Тюряжка была новехонька — начало века. Совсем не катакомбы Шоушенка — новенькая напичканная электроникой мышеловка. Электрозамки, датчики движения, камеры ночного виденья, интеркомы в стенах и потолках. Вместо отары оглоедов, как в окружной вас охраняет всего пяток шерифов из стеклянной башни типа авиадиспетчерской — федерал стэндард. Поэтом когда я подошел к двери J-100, она сразу приветливо отъехала в сторону, как в питерском метро. Я шагнул в барак и она мягко покатила

обратно, отрезая от меня остальной мир.

Все на секунду отлипли от большого плоского телека и глянули на меня. Я ответил злобным волчьим взглядом — «идите нахер со своим тюремным этикетом». В толпе быстро выделил соотечественников. О них мне говорил Риз, когда предлагал выбрать шконку — рядом с русским или с украинцем.

Я выбрал русского, объяснять что псковский спецназ или донецкие шахтеры действуют вне зависимости от моего благословения сегодня не было сил. Еще утром я пил на кухне кофе, а вчера гулял с дочкой. Мне надо пару дней — перестроить организм на отсидку.

Взгляды русского и украинца определил сразу. Тот кто бывал за границей хорошо знает, что взгляд у наших особый. Лучистый как радиация в Семипалатинске.

Подошел к моему шконарю — JB-4 и начал натягивать синюю джинсовую простыню-мешок на тонкое подобие матраса. Ко мне подошел мужичок лет шестидесяти с зелёным браслетом. Мой браслет был малиновым и я не без интереса отметил, что цветовая дифференциация коснулась не только штанов. В одного простыню натягивать крайне сложно и я поблагодарил старче за помощь.

— Вы кто?

— Я? Я — Рэнди!

— А американцы тут тоже сидят или вы из Канады?

— В жопу Канаду.

Ко мне подошли знакомиться живчики — такие есть в каждом бараке и камере — скучно им. Индус Самра, турок Орхан, иранец Мо, украинец Андрий, еще кто-то. Я старался запомнить их имена, но когда потянулась черед мексов, которых в иммиграционной тюрьме никто никогда не считал, я плюнул и стал молить Бога о скорейшем отбое. Денёк выдался длинный и тухлый.

Подошёл И.Са и сунул под нос свой малиновый браслет. В полосатом костюмчике он походил на арестованного морпехами Хо Ши Мина. И.Са требовал, чтобы я растолковал ему значение всех цифр и штрих кодов присвоенных ему местной тюрягой, айсом и прочими гестапами. Я автоматически отметил, что за последние пару часов английский И.Сы неожиданно улучшился, тюрьма явно шла ему на пользу.

Я принялся разжевывать ему значения оцифровок присвоенных ему федеральным молохом и вдруг заржал, совершенно неожиданно для самого себя. И.Са удивленно на меня уставился. Я хотел было ему объяснить, но в ту же секунду понял какое это неблагодарное занятие. Я подозвал Рэнди и сунул браслет И.Сы ему под нос. Скоро Рэнди тоже булькал от смеха:

— Кто? Этот Чарли? — я обратил внимание что он называет бирмаца «чарли», как во времена вьетнамской войны.

— Ага-ага, этот чарли, этот грёбаный вьетконговский гук!

— Белый! Б-бе-белый! Это с его мурлом-то?

— Истинный ариец! — добивал я.

Шаловливый Риз причислил И.Су к племени неукротимых белых людей. Сам И. Са смотрел на нас с горькой обидою я пытался перестать смеяться и повторял:

— Не злись, Иса, эт мы не над тобой, эт мы над ними ржем.

Вскоре после этого пригнали Раджу и Бонасье — уже в полосочку. Пересчитал барак — 57 голов.

Менты вырубил свет и по громкой связи пожелали спокойной ночи. Значит камеры точно ночного виденья. Через ряд от меня вслух молилось несколько мусульман. Справа кто-то вслух мечтал, что классно было бы если по вписке в тюрьму всем давали сонную пилюлю и ты бы спал весь срок, а будили минут за десять до освобождения. Молча согласился с невидимым оратором — и правда — классно.

После этого я сразу и уснул.

Свет взвиздячили в пять тридцать, да такой яркий, что не помогла и намотанная на башку оранжевая распошенка. «Эх вида эн эль Норте» —

посетовал кто-то по-испански — типа «и какого фи́га я поперся на этот север?»»

В шесть утра в барак фурией ворвалась молоденькая довольно милovidная кобылка в черной гестаповской форме с нашивкой Мак-Кенна на вполне оформившейся сиське.

— Хэдкаунт, джентльмен — возопила Мак-Кенна с нотками истерики, выдававшей неуверенность в себе «вдруг не послушаются и что тогда?» — Хэдкаунт!! Стэндин!! Фул Юниформ!! Было что-то малоподающееся быстрому анализу в том, что мной командовала молодая девчонка лет на двадцать меня младше. Безусловно присутствовал элемент садо-мазо. Все что нужно это натянуть на нее высокие ботфорты и выдать ковбойский кнут. Доминейтрикс Мак-Кенна. Между тем Доминейтрикс начала перекличку то и дело спотыкаясь на сложных фамилиях нелегальных пришельцев.

Все поражаюсь как легко американцы выговаривают «оксиконтин» — лекарство на опиумной основе, но делают по восемь ошибок в моей не особо сложной фамилии. Мне кажется им просто лень напрячься и прочесть — они выше подобных мелочей.

— Благодарю за сотрудничество джентльмены — Макенна отчала сопровождаемая прощупывающими задницу

взглядами.

«Эх-ты вида эн эль норте» — произнес я кутаясь в одеяло с головой.

До завтрака, если они здесь чтут распорядок — еще полчаса.

Можно попробовать уснуть.

Глава 4

Мейфлауэр (так называют в Англии боярышник) — английское торговое судно на котором англичане, основавшие одно из первых британских поселений в Америке, пересекли Атлантический океан.

Утром 6 сентября 1620 года корабль, возглавляемый капитаном Кристофером Джонсом, вышел из английского города Плимут. Сто два переселенца находились на его борту: сорок один взрослый мужчина, девятнадцать женщин и дети, а также как минимум две собаки. Один ребенок родился во время плавания, еще один родился на корабле 20 ноября, до обоснования в Плимуте. Экипаж корабля составлял 25–30 человек. Сами себя они называли «пилигримами». Ни один из пилигримов на тот момент не имел визы или аусвайса за ненадобностью.

Окна в бараке как бойницы древнего Кремля. Ночью, когда через матовые оконца пробивается

лунный свет мне кажется, что это не космический Интерстеллар, несущийся сквозь галактики, а старинный поскрипывающий на волнах галеон из Плимута. Мигранты вокруг меня, сплетение надежд и судеб — это искатели потерянного рая, пилигримы сегодняшнего дня.

В первые дни плавания, до моего первого заседания страшного суда, я был полон оптимизма и скрытого торжества. Абсолютная уверенность, что услышав мою трогательную историю судья обольётся слезой и тут же наградит меня и аусвайсом и разрешением на работу в рейхе. Я найду приличную работенку и мы все будем жить счастливо пока не умрем.

Сергея сказал что судей двое: женщина-демократ, довольно прогрессивная и относительно справедливая, и мужчина-республиканец, сорвавшийся с хера пидорг, каких свет не видывал.

— Какое странное казино они затеяли из правосудия — заметил я с грустной улыбкой инфантильного романтика.

— Какое там правосудие! Иммиграционные судьи даже не выборная должность, обычные назначенцы, чинуши из минюста. Кроме липового судьи там еще будет обвинитель от Айса и не удивляйся, если тебе через минуту захочется его задушить и залить в бетон. Его джяп как раз чтобы

тебя непременно депортировали.

— Шикарно. А адвокат?

— Не положено. Только за баблецо.

— Хм. А на суд присяжных их подгрузить возможно?

— Забудь. Это в уголовном суде тебя процессят по конституции, как американского гражданина.

— А тут что же получается не работает конституция?

— Какой страны конституция, извините? — в разговор вступает панамец Пако. Если Серега мой сосед слева, то Пако — справа. — Вы ведь не американский гражданин, забыли?

— Давай на «ты».

— И кто у тебя судья?

— У меня Браун — баба — говорит Серега.

— И чо?

— Да ничо. Домой еду. Депортировали уже. Жду рейс. Братуха с Нью Йорка какое-никакое шмотье собрал, пятьсот баксов, менты уже получили. Отдадут в порту.

— Когда?

— Да от них разве правды добьешься. Крутят, темнят, врут на каждом шагу. Только по одному признаку можно безошибочно определить — телефоны в бараке вырубят на полдня. Значит- этап.

— Вот те и прогрессивная баба!

— Я сам сдался. Задрали реально. Не выдержал марафона — восемь месяцев трепали в суде. Она мне и эту форму предлагала заполнить и другую — плюнул. Устал от Америки гребаной сил никаких нет.

— Мой судья — мужик — вмешивается Пако.

— И чо?

— Пока ничо. Одно заседание пока было. Он мне постановление о депортации зачитал и спрашивает «будешь защищаться?» Я говорю а то, конечно буду. Он так молотком по столу звезданул у меня аж телевизор выключился.

— Какой телевизор?

— Да суд у них тут такой — рядом с гаражом, помнишь куда вас с этапа разгружали — комнатенка. В ней монитор с вебкамерой типа скайп. Раньше в этой комнатке алкаши перед арестом в трубку хукали. Теперь наш суд.

— Гаражное правосудие.

— От молодца, это ты хорошо ухватил идею.

Мы помолчали. Серега молчал слева, а Пако — справа. Пако — панамец из Пейнсвиля. Прожил в Огайо всю жизнь — с восьми лет. Женат. Жена тоже без аусвайса, но детишки — мериканцы. Жену не тронули, крутят пока только Пако. Думаю, отпустят. Нас всех отпустят. Как только разберутся в этом недоразумении — так и поеду домой. Даже пешком пойду. Погоды вон дивные стоят.

На шконарь ко мне присаживается И.Са. Он не понимает зачем мы здесь и когда от отъйобуться. И.Су уже судили один раз. Зачем еще суд? Он больше ничего плохого сделать не успел — сидел в окружной тюрьме. Десять долгих дней.

Английский у него хоть и улучшается с каждым часом, все равно пока говенный. Да и вообще тупит Иса по бездорожью. Зато аусвайс у него есть. Всегда завидовал таким людям — английского не знают, на Америку насрать, а вот гринка есть, да. Не то что я — изучал корни старинных англосаксонских наречий и наизусть знаю все лозунги бостонского чаепития. Не те приоритеты у меня.

В округ И.Са попал за кухонный бокс. Он работал в компании фрут-пак. Резал фрут-коктейль для дорогих магазинов. Многие люди хорошо зарабатывают, поэтому порезать арбуз, например, или ананас времени у людей не хватает. Люди покупают уже нарезанный. Режет фрукты для людей И.Са. Еще он подрабатывает шофером Убера. У И.Сы четыре дочки. Я понимающе улыбаюсь — дочки это здорово, Иса. Каждый год И.Са с женой получают неплохой возврат с налогов на четырех детей — почти восемь косарей.

Денег в Америке много — тут их делают, если вы не знаете. Как и все мигранты из голодного края, Иса рачительный и экономный хозяин. Они с женой

скопили капиталцу на небольшой, но собственный домик, так чтоб без ипотеки — сразу. Большинство мигрантов из третьего мира сразу видят в ипотеке страшную разводку. Возник спор — И.Са хотел купить домик в Акроне. Там дешевле и бирманцев много гнёт спину на заводах «Гудйир».

«Шкура лицо черний будит сапсем. Но зарплат хорош. Очен хорош зарплат. Человек-мьянма много-много. Хорош. Дом Акрон хорош».

Но у прекрасной половины И.Сы было особое мнение. Ее родня обиталась в Индиане. Все настаивали чтобы домик И.Са купил именно там. Нашла коса на камень. И. Са не писался ни в какую. Грозил проиграть все накопления в карты и вообще показать жене превосходство тестостероновой формы жизни перед эстрогеновой в ближнем контактном бою.

Жена тоже была несгибаемой мьянманкой. Когда в Бирме началась заваруха ее заставляли подносить снаряды к минометам и стирать солдатское белье. Девчонка сбежала в соседний Тайланд. Там они с И.Сой и познакомились в лагере беженцев. Невеста была буддисткой, а жених мусульманином. Поженились, приехали по квоте в США — за эту квоту наверняка наша миролюбивая держава впарила одной из сторон кучу старинных кремниевых мушкетов не годных

более для белых людей.

Ни Иса ни его благоверная до сих пор не могут писать и читать по-английски. Для таких беженцев внашем штате действует Интернешнл Сервис — и с переводом помогут и детей в школу оформить. Вот этой доброй миловидной женщине из Интерсервиса и пожаловалась жена на угрозы И.Сы. По свойски, по-бабьи так поплакалась. Не знала что такое «социальный работник» в США. Уже вечером у холупы, что снимал И.Са на Трискетт остановился ментовский круизер. И.Са поехал в окружную тюрьму. Там он отбыл десять дней за вербальный абьюз — то есть за неласковые высказывания в адрес жены. Статья подразумевает «violence» — возможность насилия. Это делает Ису плохим *hombre* в глазах новой администрации. Что было с ним дальше я уже рассказывал.

А да — судья у И.Сы была настоящая американская феминистка — теперь даже если соскочит с айса ему светит три года запрета на встречу с женой и дочерьми. Нет человека — нет проблемы.

Частично словами, частично на пальцах и языком классического балета я объяснил Исе в какую передрагу нас с ним замозговертело.

— А ти депортация зачем?

— Нет аусвайса.

— Как нет? Врешь! А что иесть?

— Нечего нет. Ни карты, ни прав водительских. Ни хера.

— Врешь! Такой не бывал. Грин карт нет? Врешь. Симешной рус. Шютка любишь. И.Са демонически захихикал и пошел выносить мозгу другому своему знакомцу — непальцу Санджаю Бисва. Непалец работал на той же фрукторезке, что и Иса. Он выпил лишнего и погнался за женой с острым режущим или колющим предметом. «Что за фрукты у них» — подумал я — «звереет с них народ». За пику костюмчик у Бисвы в черную полоску — ну особняк ни дать не взять — в СССР за такой костюмчик надо было целую деревню вырезать за ночь.

И.Са и Бисва сели вспоминать боевые будни в фруктовом раю — ланч не надо приносить, жри себе фрукт и овощ. Много доступных женщин, готовых за пятьдесят долларов сделать в обеденный перерыв чака-чака. Рядом с непальцем шконарь молодого девятнадцати летнего индуса по имене Самра.

Самра рассказывает о своем Мейфлауэре турку Орхану:

— Из Индии прилетел в Турцию. Оттуда круизным пароходом в Панаму. Хорошо в Панаме, красиво. Народ добрый-добрый. А в Никарагуа меня ограбили. Два раза. Сперва айфон. А потом всю сумку со шмотьём. Никарагуа — гавно. Не

надо в Никарагуа. В общем поднялся автобусами через всю Мексику. Перешел в Аризоне. Ни забора там, ни колючки — вообще шоколад. Пустыня — все красное. Погранцы подъехали грят: «Давай, амиго, обратно дуй». Я им: «Куда обратно? В Никарагуа? Да не в жизнь! Политическое убежище прошу».

Они разозлились, наручники когда одевали в ребра дали воот так. «Полезай в машину, раз такой грамотный» — говорят.

— И чо?

Турок Орхан слушает затаив дыханье. У него длинные ресницы — будто наварные.

— Отболтал шесть месяцев в федеральной в Янгстауне — там целый сектор под эмигрантов отдали, народу! Но тюрьма хорошая — камеры двухместные — кнопку жмешь мент чего изволите говорит — культура. Депортируют меня. Жду рейс.

— Я тоже на политику давил — признается Орхан — Письмо даже из тюрьмы писал самому Фетхулаху Гюлену.

— А это что за кекс?

— Бунт большой был в Турции в прошлом году, не слыхал? Он против президента нашего пошел.

— Краем уха. И что? Гюлен этот что? Не помог?

— Не ответил, сын шакала. Я ему все сердце

на подносе подал. Головы ваших врагов говорю к вашим ногам брошу, эфенди! Только помогите аусвайс получить. Не ответил.

— И что после депорта делать будешь?

— Хочу Японию попробовать. Заметил в штаты никто из Японии не просится. Там продвинутая цивилизация, люди будущего. Это только американцы думают они умнее всех. Еслиб наша лира была валютой везде — все бы в Турцию рвались, к кормушке и принтеру. А японцы и корейцы правда умные.

— Интересна. Может я тоже попробую. Главное что меня в Индии по прилету не посадили. Устал сидеть ни за что.

— А за что посадят?

— Да так просто — чтоб денег отец за меня заплатил. Посмотрят по фамилии в аэропорту — я из богатой касты. Коррупция у нас.

Чуть дальше от них кто-то трубит характерным африканским баском:

— Если подашь апелляцию ждать будешь девять-десять месяцев минимум. В этой тюрьме. В этой комнате. Да нет. Какой там. В восьми случаях из десяти отказывают.

Чуть подальше раскинули на полу свои коврики мусульмане. Я заметил, что они уже приняли в свои ряды Раджу. Сквозь напевный, тягучий как расплавленное золото речитатив

арабского, сквозь нестройный хор акцентов, я вдруг услышал плеск волны, ударившей в борт Мейфлауэра. Галеон покачнулся на волнах и в иллюминатор нагло вкатилась луна. Я снова уснул ровным спокойным сном, как спят дети и праведники. Я всегда хорошо сплю в тюрьме — ночью и днём. Никто уже не станет меня ловить, арестовывать. Всё. Поймали.

Спокойной вам ночи.

Глава 5

Первого заседания суда ждут не больше двух недель. Казарма, тюрьма, психушка, а в последние годы и средняя школа как атрибуты любого государства имеют много схожих мест.

Основной груз в том, что вы уже не принадлежите себе и программа навязана вам сверху, обычно серыми средними людьми без тени фантазии. С такими людьми, имея выборы, вы бы постарались не встречаться никогда. Честно не могу до сих пор понять каким вывихом психики надо страдать, чтобы пойти работать вертухаем в американской тюрьме. Наверное, проклятые мигранты позанимали остальные медовые места.

Чтобы выдержать казарменный кретинизм, совершенно нездоровый для вашей тонкой организации, следует выработать жесткую рутину,

ежедневный почасовой график, так чтобы свободного времени, пустых часов наполненных размышлениями о своей горемычной жизни не было совсем. Иначе кроме тюрьмы внешней, вы еще один гулаг соорудите — в своей собственной башке.

И.Са никогда толком не сидел. Он почти ничего не ест. Толком не спит и все нарезает круги по бараку, обернувшись байковым одеялом. Он регулярно останавливается у моей шконки и спрашивает взглядом: «Что же потом? Что они с нами сделают?»

— Видишь ли, Иса — я принимаю вид даосского монаха — Счастье — это не удачное сочетание внешних обстоятельств. Это просто состояние нашего ума, сечешь? Можно быть счастливым в тюрьме и глубоко несчастным на воле. Сейчас мы не имеем малейшего контроля над тем, что они собираются с нами сделать. На самом деле это уже их проблема, а не наша. Наша проблема — сохранить здоровье и не сойти с ума. Во всяком случае две недели как минимум. Вызовут на суд — там и прощупаем обстановку — боем. Все над чем мы имеем сейчас контроль — это Время. Нельзя дать Им украсть время нашей жизни — это все что у нас есть, Иса. Надо заполнить две недели чем-то полезным для тела и души.